

УДК 94 (47). 084

Визуальная пропаганда как инструмент социального дизайна: плакаты 1927 г. для тюркских народов СССР

Ю. Н. Гусева,

*Московский городской педагогический
университет,
г. Москва, Российская Федерация*

Visual propaganda as a tool of social design: posters for the Turkic ethnic groups of the USSR (1927)

Yu. N. Guseva,

*Moscow City University,
Moscow, the Russian Federation*

Аннотация

В статье представлены вводный обзор и документы Государственного архива Российской Федерации, в которых содержатся политические установки и визуальные образы, предложенные к изображению на плакатах к 10-летию годовщины Октябрьской революции. Адресатами плакатов являлись тюркские народы СССР (татары, башкиры, казахи, ногайцы). Документы содержат визуальные образы восприятия советскими чиновниками различных элементов культуры «мусульманских» народов, а также их ожидаемое, прогнозируемое будущее как результат борьбы за новый мир, за новый быт под руководством большевиков. Описание данных паттернов содержится в текстовых описаниях (методических разработках), по которым впоследствии должна была создаваться плакатная живопись, ориентированная на различные социальные группы «восточной» аудитории Советского Союза. Помимо генеральной агитационно-пропагандистской риторики, призванной закрепить успехи большевистской революции и сформировать привлекательный образ будущего, мы имеем дело с различными аспектами ожидаемой, стимулируемой культурной трансформации тюркской среды в рамках «борьбы за новый быт», за новую культуру. Анализ художественных образов и текстуального их описания позволяет подтвердить влиятельность ориенталистских стереотипов, связанных с восприятием различных элементов культуры «мусульманских» народов, а также выявить стремление учитывать определенные культурные нюансы при проведении агитационно-пропагандистской работы в сфере раскрепощения женщин, «оздоровлении» быта и пр. Однако очевидно, что к этому времени уже сформировался определенный визуальный канон в подаче сюжетов борьбы «старого» и «нового» мира, идущий «из центра», которому неуклонно следовали авторы плакатной живописи, лишь незначительно адаптируя его к культурным особенностям и языку конечного потребителя подобного агитационно-пропагандистского продукта.

Abstract

This publication presents an opening summary and documents of the State Archive of the Russian Federation that contain political attitudes and visual images printed on posters dedicated to the 10th anniversary of the October Revolution. The posters were intended for the Turkic peoples of the USSR (Tatars, Bashkirs, Kazakhs, Nogais).

The documents contain visual images of the Soviet officials' perception of various elements of the culture of Muslim peoples, as well as their expected and foreseeable future as a result of the struggle for a better world and new way of life under the leadership of the Bolsheviks. The description of those patterns can be found in textual representations (guidance papers) according to which the poster painting intended for various social groups of "eastern" nations of the Soviet Union had to be created. Apart from the general agitation-and-propaganda message used to consolidate the success of the Bolshevik Revolution and form an attractive vision of the future, we deal with various aspects of the expected, stimulated cultural transformation of the Turkic environment in terms of their struggle for a new way of life and a new culture. The analysis of imagery and textual description allows us to confirm the influence of orientalist stereotypes associated with the perception of various elements of the culture of "Muslim" peoples and provide insight into the fixing of certain cultural nuances while conducting agitation-and-propaganda work in terms of women's emancipation, everyday life "recovery", etc. However, it is obvious that by that time a certain visual canon in the representation of the struggle of the "old" and "new" worlds had already been formed and the authors of poster painting steered through policy, only slightly adapting it to the cultural peculiarities and the language of the end consumer of the mentioned agitation-and-propaganda product.

Ключевые слова

Плакаты, СССР, тюркские народы, плакаты Советского Востока, санитарное просвещение, раскрепощение женщин-мусульманок, ислам в Советской России, ориентализм.

Keywords

Posters, the USSR, Turkic peoples, posters of the Soviet East, health education, emancipation of Muslim women, Islam in Soviet Russia, Orientalism.

В статье публикуются словесные описания плакатов (в источнике именуются «методические разработки»), подготовленных в 1927 г. Советом по просвещению народов (национальностей) нерусского языка при Наркомате просвещения РСФСР (далее – Совет при Наркомпросе) к празднованию 10-летия Октябрьской революции. Потенциальная аудитория изображений – тюркоязычные народы СССР: татары, башкиры, ногайцы и казахи.

Анализ массовых визуальных источников как средства перевоспитания и воздействия на общественное сознание «восточных» народов Российской империи-Советской России представляет собой оригинальную и привлекательную для современных исследователей тему. Особое место в этом научном поиске отведено попыткам осмыслиения ориенталистских стереотипов, получивших свое выражение в самом широком круге визуальных образов и форм (живопись, фотография, искусство плаката). К примеру, изучаются механизмы перевода этнических стереотипов в иконографическую форму¹, живопись художников рассматривается как визуальное воплощение российских ориентальных практик² и пр.

По точному замечанию В. О. Бобровникова, изображения на плакатах, адресованные к иноязычной, иноконфессиональной аудитории, являются «выражением определенного канона «Советского Востока», и сами по себе есть «прекрасные иллюстрации к книге Э. Саида «Ориентализм»». В своих рассуждениях мы также опираемся на следующий тезис: «Дискурсивный анализ плакатной живописи позволяет понять отношения знания и власти в обществе, роль в их воспроизведстве разных социальных слоев, особенности восприятия и отторжения официальной пропаганды»³.

Изучению действенности визуальных способов воздействия на иноязычное, иноконфессиональное СССР население в контексте «борьбы за новый быт» и противодействие «старому» быту посвящено значительное количество работ, в том числе, в регионах, где русскоговорящее население составляло меньшинство⁴. В такого рода публикациях можно встретить отдельные упоминания, что, например,

в Поволжье в 1923-1925 гг. распространялись листовки: «Кто и каким образом заражается чумой?» как на русском, «так и на арабском языке, понятном мусульманскому населению Поволжья»⁵.

Общеизвестно, что плакаты были призваны сыграть особую роль в замене «старой» культуры, «старого» человека новыми смыслами. «Мусульманские» народы, чья «мусульманская» сущность прочно связывалась с «атавизмами» культурного, религиозного прошлого, исключением не стали⁶. Тиражи печатной продукции агитационно-пропагандистского и просветительского характера на различных языках, в т. ч. тюркской группы, были значительными⁷.

Несмотря на это, довольно сложно назвать тематику изучения плакатной живописи с «национальным уклоном» хорошо разработанной. Вышеупомянутый В. О. Бобровников является одним из немногих специалистов по изучению дискурсивного анализа плакатной живописи Советского Востока. Именно под его руководством был подготовлен первый и единственный в своем роде альбом с подобными изображениями, научным обзором и комментариями⁸.

В обзоре нами анализируются общие подходы и визуальные образы, восприятия советскими чиновниками отдельных элементов культуры мусульманских народов, предложенные к изображению на плакатах, адресатами которых являлись татары, башкиры, казахи и ногайцы. Описание культурных паттернов в нашем случае не представляет большой проблемы, так как мы имеем дело с текстовыми описаниями изображений будущих плакатов. Таким образом, мы избавлены от необходимости догадываться о смысле и посыле изображений, которые должны были появиться на свет.

Сотрудниками Тюркского отдела просвещения национальных меньшинств Совета при Наркомпросе⁹ были подготовлены следующие методические разработки:

1. Проект Октябрьского плаката для ногайского населения;
2. Проект плаката для татарского населения «Будь на страже»;
3. Проект плаката «Санитарное просвещение» для татарского населения;
4. Плакат для казахского населения «Санитарное просвещение»;
5. Проект плаката для казахской женщины «Женщина прежде и при Советской власти»;
6. Проект плаката для башкирского населения «Общественная работа женщины».

В перечне документов также указан «Проект методической разработки детского альбома к 10-летию октября для всех тюркских народностей», однако его текст в деле не обнаружен.

Разработка этих материалов велась в 1927 г., в преддверии масштабного празднования 10-летней годовщины революции¹⁰. К этому времени дело плакатной пропаганды было сосредоточено в руках «центра», здесь же создавались «канонические» нарративы, образы. Москва передавала «тематики и тексты плакатов центрам субъектов и автономных республик и областей. Некоторые из них были выпущены с небольшими вариациями десятками тысяч экземпляров»¹¹.

Судьбу плакатов, которые должны были появиться на основе этих рекомендаций, еще предстоит выяснить: в имеющихся публикациях подобная продукция нами не обнаружена, однако повод для их публикации был важным, а сюжеты – актуальными, поэтому нет оснований думать, что они не были подготовлены и напечатаны.

Данные агитационно-пропагандистские материалы планировалось распространить через кульпросвет учреждения, ведущие работу среди тюркоговорящих жителей современных Рязани, Нижнего Новгорода, Самары, Пензы, Астрахани, Томска, Пермского края, Кировской и Ульяновской областей, а также других регионов.

Текстовые описания будущих плакатов в основном отражают разные аспекты ожидаемой культурной трансформации тюркской среды как в отношении собственного здоровья и здоровьесбережения общества, культурных и религиозных практик, изменения статуса женщины и пр. Соседство такой плакатной тематики как «санитарное просвещение» и борьба за новый статус женщины-мусульманки имеет вполне убедительное объяснение. С начала 1920-х гг. после борьбы с массовыми эпидемиями органы здравоохранения и культуры начали кампанию по массовому санитарному просвещению населения «для оздоровления труда и быта»¹², ставшей естественной частью социальной и культурной модернизации советского общества. Эта массовая кампания разворачивалась на базе учреждений культуры (избы-читальни, «красные уголки», «красные юрты» и пр.). Особую роль в поднятии уровня санитарных знаний были призваны сыграть женщины как основной организатор быта, как категория населения, наиболее подверженная внешнему влиянию, в т. ч. со стороны шаманов, знахарей, гадалок и пр.¹³

Навряд ли стоит обстоятельно анализировать визуальные образы плаката «Будь на страже», несущего «черно-белый» пропагандистско-политический посыл: он универсален, наполнен шаблонными образами и лозунгами. В сравнении с плакатами, рассчитанными на русскоязычную аудиторию, он не представляет собой нечто уникальное: «стиль визуальной пропаганды, адресованной разным советским гражданам, был идентичным»¹⁴. При этом максимально близкими «русскому» визуальному коду стоит признать и плакаты, адресованные татаро-башкирской аудитории. В публикуемых описаниях, в особенности в части политического просвещения, практически отсутствуют специфические термины, образцы, которые бы выдавали их принадлежность иной культуре. Это было связано с тем, что культурно-исторически, пространственно и «по образу жизни татары были наиболее близки к русскому населению»¹⁵. Кроме того, умышленно создавался образ объединения трудящихся классов в борьбе за светлое будущее без различия национальностей.

В свою очередь, многочисленные пометки, специфические дополнения, внесенные в машинописный текст, в плакатах по санитарному просвещению (и отчасти – по «женской» тематике) выражают стремление доходчиво донести информацию до широкой тюркоязычной аудитории. Можно предположить, что эти правки-специфические термины, которые были (и отчасти сохраняются) в лексиконе тех или иных тюркоязычных народов, изменяли первоначальный, «русский», шаблон. Вероятно, правка вносилась местными работниками, однако, их имена не сохранились¹⁶. Примером подобной коррекции служит понятие «зناхарь, знахарка», которое в методических рекомендациях во всех случаях применения зачеркнуто и заменено на термин «багучы» (с татарского – «гадалка, ворожея, ворожей, знахарка, знахарь»)¹⁷ или казахским аналогом этого понятия – термином «баксы»¹⁸.

Не погружаясь в сюжет исламизированного шаманства и его практик у тюркских народов Центральной Азии и Волго-Уральского региона, отметим, что публикуемые источники подтверждают, что российские этнографы и управленцы XIX – начала XX в. имели представление о лечебных манипуляциях багучы и баксы, их влиянии на ментальное и физическое здоровье населения¹⁹. При этом специалисты обращают внимание, что охраной физического и ментального здоровья и лечением занимались не только «знахари»-наследники шаманов или именовавшие себя шаманы, но и религиозные деятели – муллы и ишаны, некоторые из них также лечили молитвами и иными манипуляциями. Свидетельство первой трети XIX в.: «Иногда вместо баксы лечат муллы. Сии последние для изгнания болезней и нечистых духов

употребляют только чтение Ал-Корана и некоторых бессмысленных молитв, во время которых дуют и плают в глаза больному»²⁰.

Исследователи отмечают и имевшую место в регионах Центральной Азии и сотрудничество, и своеобразную конкуренцию между ними, возникавшую на этой почве²¹. Вероятно, поэтому в плакате, адресованном казахскому населению, возникает тройственный образ противников новой медицины – ишан, багучы/баксы и мула.

Судя по приведенному описанию, а также согласно сохранившимся свидетельствам в публикациях советского периода и современных исследованиях, сам обряд исцеления определенных болезней не претерпевал существенного изменения²². При этом постепенно формировался образ религиозного деятеля как носителя не только «религиозного дурмана», но и буквального переносчика болезней, чье дыхание, слюна, прикосновения могут способствовать распространению инфекции, ухудшать состояние больного²³, или того, кто мешает больному справиться с недугом.

Однако лишь в 1920-е гг. актуализировался вопрос о негативном влиянии подобных практик в идеологической (антирелигиозной) и культурно-бытовой, медицинской плоскостях. Со ссылкой на научные медицинские достижения на них с критикой обрушивались пропагандисты, об этом же «говорила» плакатная живопись, противопоставлявшая новую «медицинскому знания» традиционной медицине²⁴.

Общий анализ публикуемых документов подтверждает тезис о том, что «Плакаты, созданные для мусульманских народов СССР в период между двумя войнами, отражают важнейший процесс постепенного возникновения не только языковых различий, но и формирования образа жизни этих народов»²⁵. Анализ художественных образов, их текстуального описания позволяет подтвердить влиятельность ориенталистских стереотипов, связанных с восприятием различных элементов культуры «мусульманских» народов, а также выявить стремление учесть определенные культурные нюансы при проведении агитационно-пропагандистской работы в сфере раскрепощения женщин, «оздоровлении» быта. Однако следует признать, что к этому времени уже сформировался определенный визуальный канон в подаче сюжетов борьбы «старого» и «нового» мира, победы последнего над первым, которому неуклонно следовали авторы плакатной живописи, лишь незначительно адаптируя его к культурным особенностям и языку конечного потребителя подобного агитационно-пропагандистского продукта.

Публикуемые документы сохранились в виде микрофильмов в соответствующем фонде Государственного архива Российской Федерации²⁶. Ввиду низкого качества исходных материалов, наличия карандашных рукописных пометок, ряд машинописных документов и их фрагментов плохо читается или не читается вовсе. К сожалению, подобная участь выпала на долю «Октябрьского плаката для ногайского населения»: мы можем лишь в общих чертах оценить его содержание. По аналогии с иными плакатами политического характера обращение к ногайцам строилось на антитезе старого и нового мира, обличало традиционный праздник – туй, который считался действом, приносящим материальный и моральный вред ногайскому народу. Предлагалось заменить праздное времяпровождение «разумным и полезным», т. е. просвещением в избах-читальнях²⁷.

Документы публикуются с соблюдением современных правил правописания и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей. Восстановленные фрагменты, а также авторские пояснения, даются в квадратных скобках.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». – М.: Новое литературное обозрение, 2011.
2. Наиболее изучаемым, пожалуй, является творчество Василия Верещагина (1842-1904). См., например, Shalev, Louise Jacqueline, “Vasilii Vereshchagin (1842-1904): Orientalism and colonialism in the work of a 19th century Russian artist” (1993). Master’s Theses. 647; Чернышева М. Новый взгляд на феномен реализма: о фотографическом проекте художника Верещагина и генерала Кауфмана // Ab Imperio. – 2015. – № 1 (4). – С. 379-413 и др.
3. Bobrovnikov V. Islamic Discourse of Visual Propaganda in the Interwar Soviet Orient (1918-1940) // Islamology. – 2017. – Т. 7. – № 2. – Р. 55.
4. Гончарова О. А., Анкудинова Т. В. Борьба с социальными болезнями в Горном Алтае в первой половине XX века. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. – Вып. 12. – С. 39-45; Номогоева В. В., Плеханова А. М. Санитарное просвещение и борьба за «новый быт» в Бурятии в 1920-30-е годы // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. – 2009. – № 2 (66). – С. 162-165; Федосов Е. А. Особенности визуализации национальной идентичности в советском плакате 1920-1970-х гг. // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Сборник материалов X Международной молодежной научной конференции. – Томск: Издательство Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2014. – С. 256-262.
5. Труды 4-го противочумного краевого совещания. – Саратов, 1924. Приложение. Цит. по: Михель Д., Михель И., Сироткина И. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890-1925) // Вестник Евразии. – 2004. – № 3. – С. 131.
6. Соответствующий раздел «Особенности работы среди народов Советского Востока» тезисов ЦК ВКП (б) «Об антирелигиозной пропаганде среди национальностей СССР» 1926 г. подчеркивал, что ставку надо делать на осуждение различных форм «старого» быта, находящихся под влиянием религиозных, культурных традиций «восточных» народов. «Шариат, агад, завоевавший значение не менее Корана, должны быть подвергнуты критике в равной мере, так как ими регулируются бытовые взаимоотношения», а работа в этой среде «должна соотноситься с возможностями советского строительства в данной области» (Тезисы ЦК ВКП(б) «Об антирелигиозной пропаганде среди национальностей СССР» (м/д 27 и 29 апреля 1926 г.) // ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 гг. / Сост. А. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – С. 387).
7. На это, в частности, указывают данные, озвученные Павловичем М. П. в 1926 г. на заседании Первого Всесоюзного Тюркологического Съезда: «нужно отметить грандиозную работу Центроиздата, который со времени Октябрьской Революции выпустил на всех тюрко-татарских языках 6 000 000 брошюр, оттисков и различных других изданий. Так, например, на татарском языке выпущено 95 брошюр, средний тираж 10 000; на казахском языке 78 брошюр, средний тираж 5 000; на узбекском языке 57 брошюр, средний тираж 5 000» (Павлович. Культурные достижения тюрко-татарских народностей со времени Октябрьской Революции. 17-е заседание // Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд (Стенографический отчет). – Баку: «Нагыл Еви», 2011. – С. 482).
8. Плакат Советского Востока 1918-1940: альбом-каталог / Государственный центральный музей современной истории России, Фонд Марджани, сост.: М. Филатова, В. Бобровников; пер. с тюрк. яз. А. Сырейщикова. – М.: Изд. дом Марджани, 2013. – 317 с.
9. Разработчиком отдельных представленных плакатов являлся «методист С. Полянский». Отдел по просвещению национальных меньшинств образовался в составе Наркомпроса в декабре 1917 г. Декретом СНК РСФСР от 22 марта 1921 г. при коллегии Наркомпроса был образован Совет по просвещению народов нерусского языка (Совнацмен), к которому перешли функции отдела. С ликвидацией Наркомнаца в 1925 г. Совет был преобразован в Центральный совет (Цетросовнацмен) при коллегии Наркомата просвещения РСФСР, в 1929 г. – в Комитет. Ликвидирован в 1934 г.
10. Исследователи отмечают особый масштаб празднований этой доминанты государственных праздников, для проведения которого была создана специальная комиссия при Президиуме ЦИК СССР. Целью торжества являлось не столько воспевание прошлого, сколько актуализация текущих общественно-политических задач (Ульянова С. Б. Первое десятилетие

- Октября в системе советской пропаганды // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Сеп. 2. – Вып. 2. – С. 157-162).
11. Bobrovnikov V. Islamic Discourse of Visual Propaganda... – P. 58.
 12. Ананьин С. А. Исторические аспекты развития профилактического направления здравоохранения в стране в период 1917-1936 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2020. – № 1. – С. 9-19.
 13. Номогоева В. В., Плеханова А. М. Санитарное просвещение и борьба за «новый быт»... – С. 164-165.
 14. Bobrovnikov V. Islamic Discourse of Visual Propaganda... – P. 55-58.
 15. Хабутдинов А. Ю. Указ. соч. // Плакат Советского Востока... – С. 26.
 16. В частности, исследователи указывают на подобную практику при подготовке просветительских материалов на алтайском языке и в других случаях (Гончарова О. А., Анкудинова Т. В. Борьба с социальными болезнями в Горном Алтае в первой половине XX века. – Тамбов: Грамота, 2019. – Т. 12. – Вып. 12. – С. 39-45).
 17. В настоящее время в среде волго-уральских татар это понятие используется и для именования сторонника неоязыческих воззрений, шамана.
 18. В современном казахском «бақсы» означает «шаман, шарлатан», в современном кыргызском – «бакшы» – «лекарь, народный целитель», реже – «шарлатан».
 19. Подробнее см.: Басилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1992. – С. 30-36. Различные аспекты «исламизированного шаманизма» в Центральной Азии, в т. ч. среди современных казахов и киргизов, а также в Сибири и других регионах мира, освещены в коллективной монографии: Shamanism and Islam. Sufism, Healing Rituals and Spirits in the Muslim World. – Edited by Thierry Zarcone and Angela Hobart. – Tauris & Co Ltd, 2013.
 20. Левшин А. Описание Киргиз-казачьих или киргиз-кайсакских орд и степей. – СПб., 1832. – Ч. 3. – С.67. Цит. по: Басилов В. Н. – Указ. соч. – С. 281.
 21. Как указывает В. Басилов, «Для исламизированного шаманства народов Средней Азии и Казахстана характерна его тесная связь с культом святых и суфизмом. Мусульманские святыне прочно заняли место шаманских духов-покровителей... Считавшиеся святыми ишаны, бравшиеся исцелить людей от болезней с помощью духов, встречались в Средней Азии повсеместно» (Басилов В. Н. – Указ. соч. – С. 286-289).
 22. См., например, о подобных практиках 1960-1980-х гг. в Поволжье: Гусева Ю. Н. Ишанализм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение / Под ред. О. Н. Сенюткиной. – М.: ИД «Медина», 2013. – С. 115, 116, 125; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. – Казань: Магариф, 2008. – С. 245.
 23. Такой образ рисует в своем антирелигиозном пропагандистском труде Зариф Музффари, который именует мула и ишанов, практикующих заговоры, «носителями заразных болезней», подобно комарам и другим насекомым-переносчикам инфекций (Музффари З. Ишаны-дервиши. – Казань, 1931. – С. 54-55).
 24. К числу подобных плакатов можно отнести изображения 1927 г. с надписью на русском и татарском языке с критикой работы повивальных бабок и призывами к чистоте в быту – инструмент совместной агитации Татнаркомздрава и Татарского областного комитета Красного Креста (Плакат Советского Востока... – С. 116).
 25. Хабутдинов А. Ю. Между модернизмом и атеизмом, от арабского шрифта к латинице: тюркские народы СССР в 1920-е гг. // Плакат Советского Востока... – С. 25-29.
 26. Полное наименование фонда № А296: «Отдел по просвещению национальных меньшинств Наркомата Просвещения РСФСР, Комитет по просвещению национальных меньшинств РСФСР (Комнац) Наркомата Просвещения РСФСР».
 27. ГА РФ, ф. А296, оп. 1, д. 384, л. 1-2.

Проекты тематических и праздничных плакатов для тюркских народностей

№ 1. Проект плаката для татарского населения «Будь на страже»

1927 г.

Плакат имеет своей целью пояснить татарскому трудящемуся населению опасность переживаемого момента.

В центре плаката – две фигуры. Татарский рабочий: кует на наковальне горячее железо – брызги во все стороны. Фон – стройка фабрики и заводы. Крестьянка около урожая: копны хлеба, мешки с пшеницей, здесь же трактор. Фон – агропункт, кооперация, постройка электростанции, школы. Надпись*: «Трудящиеся СССР строят свою жизнь».

С правой стороны от центра: две картины из прошлого.

1-я картина. Усадьба в поле помещика. Управляющий – татарин с плеткой в руках. На поле косят и жнут батраки-татары. Надпись: прежде татарские крестьяне работали на помещика.

2-я картина. Момент из гражданской войны: белые расправляются с мирными жителями в татарской деревне. Бьют женщин, расстреливают детей, жгут дома, валяются голодные, без крова с вздутыми животами, длинными тощими руками и ногами; из засады крестьяне-татары стреляют в белых. Надпись: «Трудящиеся СССР через голод, разруху, гражданскую войну, великие мучения отстаивали свою самостоятельность».

С левой стороны – за дымом фабрик летят капиталистические аэропланы. Снизу направлены на рабочего и крестьянина пушки, газовые баллоны, танки; видны цилиндры и рожи капиталистов. Готовят нападение на нас.

Внизу ряд мелких картин: Обучаются стрельбе татарские мужчины и женщины, винтовки на прицел, стоит инструктор и подает команду. Надпись: «Трудящиеся СССР готовятся к обороне, отразим врага».

1. Кружок санитарок, женщины и дети обучаются делать перевязки. На руках – красные кресты. Надпись: «Трудящиеся женщины и дети готовятся быть санитарами».

2. Дети, женщины, мужчины – мирное население обучаются надевать противогазы, их обучает инструктор в красноармейской форме. Надпись: «Войной будет охвачен тыл. Обучаются надевать маски».

ГА РФ, ф. А296, оп. 1, д. 384, л. 3-4. Копия.

№ 2. Проект плаката для башкирского населения «Общественная работа женщины»

1927 г.

В центре плаката – башкирка с флагом, на котором надпись «Башкирка, строй свою жизнь и участуй в общественной работе!»

1-я картина: Разрез избы-читальни. Идет читка газет. У башкирки в одной руке газета, а другой она делает жест во время объяснения. Выражение говорящего лица, полуоткрытый рот, на бровях сдвинуты мускулы. Фигура несколько наклонилась к слушателям. Посетители: башкиры. Башкирки старые и средних лет, есть подростки. Слушают напряженно. На стенах – лозунги, портреты. Надпись: «Грамотная башкирка в избе-читальне ведет чтение и объяснение газет. Башкирка, учись грамоте, ходи в избу-читальню, слушай сама и читай другим».

2-я картина. Ликпункт** в разрезе. В сельской школе за столом на скамейках сидят башкиры и башкирки средних лет и немного помоложе. Кто пишет, что в книгу смотрит. Перед некоторыми лежат счеты. У доски стоит учитель и подводит черту под сложением: $25793+85978$. Окна маленькие, на стенах ничего кроме полуширья.

* Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе (подстрочные примечания автора вступительной статьи).

** Пункт по ликвидации неграмотности.

Надпись: «Башкиры и башкирки не хотят быть неграмотными. Они вместе учатся в ликпункте».

3-я картина. Улица башкирского села. Весна, праздничный день. На первом плане у угла избы собрание башкиров. Председатель и секретарь – башкирки, секретарь – комсомолка. Женработница делает доклад. Все внимательно слушают. Поодаль, у избы, ведут между собой беседу башкиры. Надпись: «Башкирки обсуждают свои женские дела. Советская власть дала им свободу и организовывает их для этой работы».

4-я картина. Башкирская изба в разрезе. Идут перевыборы в совет. Изба набита битком башкирами и башкирками вперемешку. Голосуют. На переднем плане довольные две башкирки подняли руки. У стола секретарь, считает голоса. Председатель – башкирка. [Около нее представитель волисполкома в кожаной куртке]* – тоже башкир. Надпись: «Все силы должна направить башкирка на укрепление советов и борьбу с кулаком угнетающим бедняка».

5-я картина. Дом в разрезе, сепаратор, на котором работает башкирин, председатель кооперативного объединения. Около него стоит башкирка, принесшая молоко. Другая башкирка сидит за столом и записывает женщин, принесших молоко. Тут же – красный уголок – плакаты, книги, портрет Ленина и пр. Надпись: «Кооперация женщин – лучший путь ее раскрепощения»!

6-я картина: Показательный огород при красном уголке. Небольшой дом, на котором вывеска – «Красный Уголок». У дома – гряды с морковью, свеклой, капустой, огурцами, редькой и пр. Башкирка за работой. Надпись: «Улучшай свое хозяйство, этим улучшаешь свою жизнь и избавишься от бедности и нужды. Огород поможет тебе улучшить питание и даст новые доходы твоему хозяйству».

[...]** Надпись: «Кооперация укрепляет смычку города и деревни, Кооперация – путь к социализму».

ГА РФ, ф. А296, оп. 1, д. 384, л. 5-8 об. Копия.

№ 3. Проект плаката для казахской женщины «Женщина прежде и при Советской власти»

1927 г.

Цель плаката – наглядно пояснить казахской женщине основную разницу в положении до Октябрьской революции и после. Поэтому в плакате имеет место противопоставление старого быта новому и указываются его преимущества для казахской женщины.

1-я картина. Надпись: «Калым не может создавать счастливую семейную жизнь. Он губит молодых людей. Боритесь против калыма».

Кибитка в разрезе. Кругом сидят около 10 человек – казак – идет угощение. Справляют калым.

2-я картина. Надпись: «Двоеженство – бич женщины».

Кибитка в разрезе. Молодая жена сидит, вышивает, а старую – казах бьет плеткой. Дети старой жены прижались в угол.

3-я картина. Надпись: «При Советской власти женщина защищена законом. Суд над казаком, избившим жену».

Школа в разрезе. Идет суд. Рядом с народным судьей сидят заседатели – казах и казашка. Подсудимый казах. Около него милиционер. Рядом с милиционером стоит жена и дает показания. Много посетителей – большинство женщин.

* Зачеркнуто.

** Далее фрагмент не читается, речь идет о кооперации для татарского населения.

4-я картина. Надпись: «При советской власти началось обучение женщин-казачек. Женщины, идите в ликпункты и обучайтесь грамоте!»

Землянка в разрезе. Идет обучение женщин – молодых и средних лет. Мужчин нет. Учительница-казашка пишет на доске примеры по арифметике. На стенах – лозунги по ликбезграмотности, географическая карта, глобус и проч[ее]. Учащиеся пишут в тетрадках.

5-я картина. Надпись: «При советской власти казашка имеет право участвовать на собраниях и решать общественные дела».

Лето. Около кибиток женское собрание. На переднем плане высоко стоит женщина и держит речь. Ее слушают внимательно. Мужчин нет.

Центральная фигура.

Шествие женщин-казашек с флагом. На нем надпись «Да здравствует Октябрьская революция, освободившая женщину!»

ГА РФ, ф. А296, оп. 1, д. 384, л. 9-10. Копия.

№ 4. Проект плаката «Санитарное просвещение» для татарского населения

1927 г.

Плакат мыслится как побудитель в борьбе с санитарным невежеством.

I картина. В центре. Доклад по санитарии в избе-читальне.

За столом стоит врач в позе докладчика, рядом с ним около стола стоит крестьянка и раздает присутствующим карточки по санитарному просвещению. Несколько крестьян и крестьянок слушают доклад врача, получают литературу. На столе – плакаты «Соблюдайте чистоту», «Не пейте сырой воды». Надпись: «Врач в избе-читальне ведет беседу».

II картина. Прямо – дверь, на левой стене маленько грязное окно от самого пола. Немного впереди – широкая общая кровать. На ней разбросана постель, покрыта скатерть, за которой без стульев, согнув ноги «калачиком» сидит семья и ест из общего блюда*. Из-под скатерти видна рваная старая кошма**. Над койкой на длинной жердочке висит детская «люлька», покрытая толстым полотном. Около двери таз для умывания на полу, в тазу грязная вода. В этой воде татарский умывальник – «кумган» – общего пользования. Здесь же валяется мусор. В углу привязан теленок, около которого навоз. Тут же на полу возится ребенок. Справа – печь. На печи больная женщина кашляет. Около печи куча хвороста и корыто для мытья белья с грязной мыльной водой. Протянута веревка, на которой висит только что вымытое белье и одеяло, с них капает вода на пол и на койку. На стенах тараканы и следы раздавленных клопов. Надпись: «Неряшливость и старый быт разводят болезнь».

III картина. Внутренний вид благоустроенной, чистой крестьянкой избы. Три больших окна. Комната светлая. В комнате стоит кровать, отделана чистой тонкой занавеской. Через открытую дверь «в сенях» видится умывальник, чистое полотенце и мыло. Отдельная кроватка для ребенка. Печь кирпичная с трубой на улицу. Отдельно стоит накрытый чистой скатертю стол и вокруг него несколько стульев. Посреди комнаты висит керосиновая лампа с металлическим абажуром. Рядом у стола (?) одежда, завешенная чистой занавеской. В углу – плевательница. Портреты вождя революции. За столом читают газету. Вид здоровый. Надпись: «Чистоплотность и порядок – залог здоровья».

* Далее приписка карандашом, не читается.

** Войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти.

IV картина. Неблагоустроенный крестьянский двор. Налево спереди виден угол дома, дальше – ворота, прямо – сарай, крытый соломой. Около сарая, почти до крыши навалена куча навоза, на навозной куче – куры. Из хлева выглядывает корова, дверь поломана и висит на одной петле, другая дверь совсем не навешена и валяется на дворе. Слева, около дома – лужа навозной воды, в которой купаются утки. Около лужи сидит перепачкавшийся ребенок. Рядом с лужей – деревянная бочка с водой для питья. Навозная жидкость течет под бочку. Пара разломанных колес и разный хлам. Надпись: «От неряшливости и непорядка болеет скотина».

V картина. Благоустроенная деревня. Деревня утопает в садах, слева видна часть школы, большой кооператив, около него крестьяне, справа – крестьянские избы, чистые дворы, изба-читальня, врачебный пункт. Избы крыты черепицей, а часть – железом. Колодцы с высокими срубами, вдали чистый пруд с хорошим мостом. На переднем плане здоровые веселые крестьяне выезжают в поле, едет трактор. Надпись: «Новая деревня недалеко. Она может быть при дружной работе. Стройте новую деревню. В новой деревне – здоровый быт».

VI картина. Внутренний вид татарской избы. Не прибрано, неряшливо. Лежит больной трахомой на нарах. Его лечит багучи, мажет глаза грязной тряпкой. Около нее на табуретке сухая трава, бутылочки. Надпись: «Несознательные призывают знахарку* к больному»**.

В овале – слепой как результат лечения знахаркой***. Надпись: «Багучи не лечит, а калечит».

VII картина. Внутренний вид татарской избы. К больному приходит врач. Врач лечит больного, аккуратно смазывает ему глаза. На покрытой белым табуретке лежат инструменты, мазь. Надпись: «К больному зовите врача, а не знахаря. В случае болезни – сообщите врачу. Он поможет организму справиться».

Дом муллы в разрезе. Мулла сидит за столом. У стола мулла лечит молодую татарку – дует на нее. Мулла в своем обычном одеянии, в чалме. Татарка надела лучшее платье. У татарки в белом платке завязаны яйца, которые она принесла мулле. Около нее стоит горшок с маслом. Мулла дует в глаза татарки. Слюни муллы летят в лицо татарки. Надпись: «Несознательный больной пришел к мулле. Мулла не лечит, а обманывает».

ГА РФ, ф. А296, оп. 1, д. 384, л. 12, 12 об., 13. Копия.

№ 5. Проект плаката для казахского населения «Санитарное просвещение»

1927 г.

Плакат имеет целью помочь пропаганде по вопросам санитарии и гигиены среди казахского населения, проводимого теперь на местах.

В плакат включены как раз основные вопросы этой пропаганды. Надпись: «Грязь, неряшливость и старый быт – источники заразы. Приписка карандашом – Чистая кибитка – залог здоровья казаха, а, следовательно, и благосостояния».

Разрез казахской кибитки. Везде все не прибрано, разбросано, грязно. Кошка лакает в чашке, из которой едят. Много мух, тараканов. Два казачка в углу ищут друг друга, в грязи играют маленькие ребятишки. Надпись: «Поддерживайте в кибитках чистоту, порядок, опрятность. Новый быт – источник здоровья».

* Зачеркнуто карандашом, написано – багучи.

** Приписано карандашом: «Дело здравоохранения – необходимая часть борьбы на культурном фронте».

*** Зачеркнуто, написано – багучи.

Разрез казахской кибитки. В кибитке чисто, все прибрано. Казашка вытирает посуду. Ребята играют с игрушками. У двери сидит казах с улыбающимся лицом. В его руках аркан. Надпись: «Еда в совместной чашке разносит болезнь. Совместная еда – большое зло казаха».

Разрез кибитки. На полу большой чашки сидят кругом казахи. Один из них ломает над чашкой руками два больших куска сала бааранины. Течет жир с рук. Одна рука большая, завязана. В чашке много кусков – всего фунтов 16. Остальные кусают. Один из них сифилитик, тоже ест вместе. Надпись: «При еде нужно соблюдать чистоту, опрятность, есть в разных чашках».

Разрез той же кибитки. Сидят казахи. Посреди большая чистая чашка. У каждого казаха стоит отдельная чашка с ножом и вилкой. На большой чашке казашка наливает каждому в чашку горячее. На большом блюде нарезана бааранина фунтов 15. Около нее нож и вилка. Двое казаков берут с блюда бааранину себе в чашки. Надпись: «Багуши не лечит, а калечит. Она только собирает от населения бааранами и проч.».

Кибитка, грязь, лежит на полу больной. Багуши кругом него обводят баарана. В овале: «Больной умер как результат лечения багуши. Семья плачет».

5-я картина. В разрезе землянка ишана. Около нее стоит телега казаха. На телеге маленький мальчик. К телеге привязана хорошая лошадь. В землянке ишан лечит больного. Надпись: «Ишан обманывает население, которое приезжает к нему издалека и привозит лошадей. Кто постиг науку – тому не нужна религия».

Надпись над овалом: «Как лечат знахарки*. Не ходите к знахаркам**, а зовите доктора».

[...]***

ГА РФ, ф. А296, оп. 1, д. 384, л. 14-16. Копия.

Список литературы

- Басилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1992. – С. 328.
- Гусева Ю. Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение / Под ред. О. Н. Сенюткиной. – М.: ИД «Медина», 2013. – 214 с.
- Михель Д., Михель И., Сироткина И. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890-1925) // Вестник Евразии. – 2004. – № 3. – С. 113-139.
- Музafferi З. Ишаны-дервиши. – Казань, 1931. – С. 54-55.
- Мухамедова Р. Г. Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. – Казань: Магариф, 2008. – С. 295.
- Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.
- ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 гг. / Сост. А. С. Гатарова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – С. 387.

References

- Basilov V. N. *Shamanstvo u narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow, 1992, 328 p.
- Guseva Yu. N. *Ishanism kak sufijeskaya traditsiya Sredney Volgi v XX veke: formy, smysly, znachenie. Pod red. O. N. Senyutkinoy* [Ishanism as a Sufi tradition of the Middle Volga region in the 20th century: forms, narratives, meaning]. Moscow, 2013, 214 p.

* Зачеркнуто, написано «багуши» – ишаны.

** Зачеркнуто, написано «багуши» – ишанам.

*** Пояснение, написанное карандашом: «В этом плакате необходимо было бы высмеять рядом с багушами ишаном “Святого”, который больше, чем знахари искалечивает людей. За лечение берет вознаграждение деньгами и лошадьми».

Mikhel D., Mikhel I., Sirotkina I. *Meditina protiv epidemii v Povolzhye: sotsialno-istoricheskiy kontekst (1890-1925)* [Medicine against epidemics in the Volga region: sociohistorical context (1890-1925)]. IN: *Vestnik Yevrazii*, 2004, no. 3, pp. 113-139.

Muzaffari Z. *Ishany-dervishi* [Dervish Ishans]. Kazan, 1931, 135 p.

Mukhamedova R. G. *Tatary-mishari: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Mishar Tatars: a historical and ethnographic study]. Kazan, 2008, 295 p.

Shamanism and Islam. Sufism, Healing Rituals and Spirits in the Muslim World. Ed. by Thierry Zarcone and Angela Hobart. Tauris & Co Ltd, 2013, 360 p.

Vishlenkova E. *Vizualnoe narodovedenie imperii, ili "Uvidet russkogo dano ne kazhdomu"* [Visual ethnology of the Empire, or "Not everyone can see a Russian"]. Moscow, 2011, 384 p.

CK RKP(b)-VKP(b) i natsionalniy vopros. Kn. 1. 1918-1933 gg. Sost. L. S. Gatagova, L. P. Kosheleva, L. A. Rogovaya [The Central Committee of the RCP(b)-the CPSU(b) and ethnic issues. Moscow, 2005, 784 p.]

Сведения об авторе

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета, e-mail: j.guseva@mail.ru

About the author

Yuliya N. Guseva, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History of the Moscow City University, e-mail: j.guseva@mail.ru

В редакцию статья поступила 04.02.2023, опубликована:

Гусева Ю. Н. Визуальная пропаганда как инструмент социального дизайна: плакаты 1927 г. для тюркских народов СССР // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2023. – № 2. – С. 37-49.

Submitted on 04.02.2023, published:

Guseva Yu. N. Vizualnaya propaganda kak instrument sotsialnogo dizayna: plakaty 1927 g. dlya tyurckikh narodov SSSR [Visual propaganda as a tool of social design: posters for the Turkic ethnic groups of the USSR (1927)]. IN: *Gasyrlar avazy – Echo vekov* [Echo of centuries], 2023, no. 2, pp. 37-49.